

Профессор А. И. Осипов

Основы духовной жизни в Православии

Постановка проблемы

Много причин побуждает сегодня говорить на данную тему. Одна из первых – это убеждение значительного числа верующих в том, что добрые дела, исполнение церковных обрядов и участие в литургической жизни является вполне достаточным условием нормальной духовной жизни. Упускается при этом самое важное – что «воздаяние бывает... не добродетели и не труду ради нее, но рождающемуся от них смирению. Если же оно будет утрачено, то первые будут напрасны» (св. Исаак Сирий).

Другая причина – это распространенная, преимущественно в интеллигентских кругах, теософская идея равноценности духовного опыта православных и неправославных и нехристианских подвижников и аскетов. Хотя эта идея по существу отрицает безусловную значимость Жертвы Христовой в деле спасения и духовного совершенства человека.

Есть сегодня целый ряд и других факторов, обуславливающих постановку вопроса о духовной жизни в качестве одного из самых насущных для Церкви. Из них в первую, может быть, очередь следует назвать проблему духовничества. Верная мысль о необходимости для христианина иметь духовного руководителя подвергается в настоящее время большим искажениям на практике, приводя многих, как пастырей, так и пасомых, не имеющих должного знания святоотеческих указаний по данному вопросу, к тяжелым ошибкам и трагедиям не только в религиозной, но и в семейной, и в общественной жизни.

Также одним из серьезных, болезненных фактов в области духовной жизни, обусловленных не в последнюю очередь ложным духовничеством, является развитие в церковной среде нетерпимости и фанатизма.

Эти, как и многие другие ненормальные явления, имеют, без сомнения, своим источником прежде всего незнание учения Священного Предания Православной Церкви об основах духовной жизни.

Догматические предпосылки понимания духовности

Хотя единый Триипостасный Бог есть Дух, Его третья Ипостась тоже именуется Духом Святым, тем самым свидетельствуя человеческому сознанию об особенных ее свойствах по сравнению с другими Ипостасями. Человек, будучи образом Божиим, отражает в себе эту тайну Бога. Он в своем единстве также имеет три «ипостаси»: ум, слово (мысль) и дух, и каждая из них обладает своими особенностями. Святые Отцы духом называют нравственную силу человека, содержание которой обуславливается умом и, прежде всего, пониманием конечной, высшей цели жизни. Этой целью может быть Бог и вечная жизнь в Нем; но может – богатство, власть, слава; может – различные наслаждения и интересы: телесные (ср.: *их бог – чрево*. Флп. 3, 19), эстетические (напр., музыка, живопись), интеллектуальные (например, философия, наука). Однако каков бог у человека, такова и его духовность.

Православное осмысление духовности исходит прежде всего из факта святой Пятидесятницы. «Стяжание» христианином Духа Святого, или обожение, и составляет цель духовной жизни. Эта цель достигается только при правильной (праведной) жизни. Поэтому необходимо знание ее основных законов.

1. Основной вопрос.

Духовная жизнь, как известно, предполагает не только правильную догматическую веру и евангельскую нравственность, но и также знание и неукоснительное соблюдение особых *законов*, определяющих развитие «нового человека» (Еф. 4, 24). Иначе говоря, правильное теоретическое понимание духовной жизни во многом предопределяет успех сложного процесса реального перерождения страстного, «плотского» (Рим. 8, 5), «ветхого человека» (Еф. 4, 22) в нового.

Но и теоретическое понимание этого вопроса оказывается не столь простым, как может показаться на первый взгляд. Многообразие так называемых *духовных путей*, которые предлагают сейчас в целях «спасения» нашему человеку со всех сторон света непрошеные «просветители» разных религий и христианских конфессий, являются одной из иллюстраций сложности данной проблемы.

В связи с этим возникает задача исключительной важности: найти наиболее существенные признаки и свойства истинной духовности, ее критерии, которые позволили бы отличить истинную духовность от всевозможных видов лжедуховности, мистицизма, прелести.

2. И первое, что возникает при разрешении этой задачи, является вопрос о том, что значит вера во Христа?

Интересно и необычно пишет об этом святитель Игнатий (Брянчанинов): «Не сознающий своей греховности, своего падения, своей гибели не может принять Христа, не может уверовать во Христа, не может быть христианином. К чему Христос для того, кто сам и разумен, и добродетелен, кто удовлетворен собою, кто признает себя достойным всех наград земных и небесных» (IV, 378)¹? «Начало обращения ко Христу заключается в познании своей греховности, своего падения; от такого взгляда на себя человек признает нужду в Исккупителе и приступает ко Христу посредством смирения, веры и покаяния» (IV, 227).

Обращает на себя внимание формальное противоречие этих слов общепринятому богословскому тезису о вере как начальном условии принятия Христа. Святитель как бы подчеркивает: не в рассудочной вере в то, что Христос есть Бог и Спаситель и что Он пришел, пострадал и воскрес, заключено «начало обращения ко Христу». Напротив, сама вера в Него рождается из познания «своей греховности, своего падения», ибо «не сознающий своей греховности... не может уверовать во Христа».

В этой мысли находим первое и основное положение духовной жизни, показывающее глубину православного ее понимания. Верующим, оказывается, может стать и является лишь тот человек, который видит свое духовное и нравственное несовершенство, свою греховность, страдает от нее и ищет исцеления. Только такой, смирившийся внутри себя человек способен к правильной, спасающей вере во Христа. Видящий же себя разумным и добродетельным не может быть христианином и не является им, хотя бы и считал себя таковым.

Не здоровые имеют нужду во врачех, но больные (Мф. 9, 12), – говорит Господь. На путь исцеления и спасения становятся лишь те, которые увидят болезнь своей души, ее неисцельность собственными силами, и потому оказываются способными обратиться к пострадавшему за них истинному Врачу. Вне такого познания себя невозможна нормальная духовная жизнь.

Это ярко видно на земной жизни Спасителя, Который со слезами раскаяния был принят простыми, сознающими свои грехи евреями и с ненавистью был отвергнут и осужден на жуткую казнь «умной», «добродетельной», уважаемой иудейской элитой: архиереями, фарисеями (то есть ревностными исполнителями церковных обычаев и Устава), книжниками (богословами).

¹ Здесь и далее цитаты из творений св. Игнатия приводятся по изданию: СПб., 1905.

3. Познание себя.

Каким же образом приобретается человеком это спасительное познание себя, своего *ветхого* человека, открывающее ему всю бесконечную значимость Жертвы Христовой? Ответ простой: «Я не вижу, – пишет святитель Игнатий, – греха моего, потому что еще работаю греху. Не может увидеть греха своего наслаждающийся грехом, позволяющий себе вкушение его хотя бы одними помышлениями и сочувствием сердца. Тот только может увидеть грех свой, кто решительным произволением отрекся от всякой дружбы с грехом... в каком бы виде он ни приближался к нему. Кто совершит великое дело – установит вражду с грехом, насильно отторгнув от него ум, сердце и тело, тому дарует Бог великий дар: зрение греха своего» (II, 122).

Одним из практических средств достижения этой цели является борьба с осуждением. «Кто отказался от осуждения ближних, помысл того, естественно, начинает видеть грехи и немощи свои, которых не видел в то время, как занимался осуждением ближних» (V, 351). Основной же закон самопознания выражен в следующих замечательных словах преподобного Симеона Нового Богослова: «Тщательное исполнение заповедей Христовых научает человека его немощи». То есть познание гибельности своего духовного состояния открывается человеку только при усилении исполнить все заповеди Евангелия. Лишь напряжение стать истинным христианином показывает человеку, насколько он действительно и нищ, и наг, и убог, насколько жизненно необходим для него Христос.

Отсюда становится понятным, что вопрос о том, как приобретается видение греха своего или познание себя, своего *ветхого* человека, является центральным в духовной жизни. Только видящий себя погибающим нуждается в Спасителе; *здоровому* (Мф. 9, 12) Христос не нужен. Поэтому для хотящего верить во Христа православно (ведь и *бесы веруют и трепещут* – Иак. 2, 19), для жаждущего правильной духовной жизни это ведение является основной задачей подвига и одновременно главным критерием его истинности.

4. Значение добродетелей.

В связи с этим очень важно заметить, что подвиг и любые добродетели, не приводящие к такому результату, оказываются лжеподвигом, и жизнь обесмысливается. Апостол Павел пишет об этом, обращаясь к Тимофею: *Если же кто и подвизается, не увенчивается, если незаконно будет подвизаться* (2 Тим. 2, 5). Прп. Исаак Сирин высказывается еще более определенно: «Воздаяние бывает... не добродетели и не труду ради нее, но рожда-

ющемся от них смирению. Если же оно будет утрачено, то первые будут напрасны»¹.

Оказывается, добродетели и подвиги не сами по себе могут принести человеку благо Царствия Божия, которое *внутри нас есть* (Лк. 17, 21), но только рождающееся от них смирение. Если же смирение не приобретается – бесплодны и бессмысленны все подвиги, все добродетели! Так выясняется одна из сложных богословских проблем о соотношении веры и так называемых *добрых дел* в вопросе спасения. Дела сами по себе не спасают человека, они не являются какими-то заслугами. Их необходимость вызвана совсем другой причиной. Без них очень трудно приобрести то, чем единственно спасается человек – смирение. Ибо только через всемерное понуждение себя к исполнению всех заповедей Евангелия можно увидеть и глубокую поврежденность человеческой природы, и свое бессилие самому, без помощи Божией, чисто исполнить хотя бы одну заповедь Христову, совершить хотя бы одно доброе дело. Потому святые «омывали свои добродетели, как бы грехи, потоками слез» (II, 403).

Святитель Игнатий пишет: «Несчастлив тот, кто удовлетворен собственной человеческою правдою: ему не нужен Христос» (IV, 24). «Таково свойство всех телесных подвигов и добрых видимых дел. Если мы, совершая их, думаем приносить Богу жертву, а не оплачивать наш необъятный долг, то добрые дела и подвиги соделываются в нас родителями душепагубной гордости» (IV, 20).

Он даже так говорит: «Делатель правды человеческой исполнен самомнения, высокоумия, самообольщения... ненавистью и мщением платит тем, которые осмелились бы отворить уста для самого основательного и благонамеренного противоречия его правде; признает себя достойным и предостойным наград земных и небесных» (V, 47).

Эта святоотеческая мысль прямо опровергает широко распространенное убеждение, что т. н. *добрые дела* всегда являются добрыми, независимо от того, по каким внутренним побуждениям и с какой целью совершает их человек. Оказывается, это глубоко неверно. Правда и добродетели *ветхого* и *нового* человека не дополняют друг друга, а *исключают*, ибо первые ослепляют человека своей значимостью, превозносят его и делают великим в своих глазах и тем «отнимают» у него Христа; вторые, напротив, открывают человеку его действительное духовное, а часто и нравственное убожество, бессилие победить себя и приводят к Христу.

¹ Цит. по: *Еп. Сергей (Страгородский)*. Православное учение о спасении. 3-е изд. СПб., 1903. С. 246.

5. Опасно преждевременное бесстрашие.

Обратимся еще к одному закону духовной жизни – о «сродстве между собой как добродетелей, так и пороков». Этот закон заключается в том, что, оказываясь, как приобретение добродетелей, так и взаимодействие страстей между собой подчинены строгой последовательности и взаимообусловленности. «По причине этого сродства, – пишет святитель Игнатий, – стяжание одной добродетели вводит в душу другую добродетель, сродную и неразлучную с первой. Напротив того, произвольное подчинение одному греховному помыслу влечет невольное подчинение другому; стяжание одной греховной страсти влечет в душу другую страсть, ей сродную; произвольное совершение одного греха влечет к невольному впадению в другой грех, рождаемый первым. Злоба, сказали отцы, не терпит пребывать бессупружною в сердце» (V, 351).

Незнание этого закона может привести к серьезным последствиям в духовной жизни. Так, небрежное отношение к «мелким» грехам, произвольное, то есть без насилия страсти, совершение их порабощает волю человека, делает его рабом своих низменных влечений и в конечном счете приводит к грехам тяжким, ведущим к скорбям и трагедиям в жизни.

Насколько серьезен и значим этот закон, свидетельствуют следующие слова опытейшего наставника в духовной жизни святого Исаака Сирина: «Премудрый Господь благоволил, чтобы мы снедали в поте лица хлеб духовный. Установил Он это не от злобы, но чтобы не произошло несварения, и мы не умерли. Каждая добродетель есть мать следующей за ней. Если оставишь мать, рождающую добродетели, и устремишься к взысканию дочерей, прежде стяжания матери, то добродетели эти становятся ехиднами для души. Если не отвергнешь их от себя, скоро умрешь» (II, 57–58).

Удивительные слова. Для духовно неопытного сама мысль о том, что какая-то добродетель может оказаться преждевременной, тем более смертельной для души, «ехидной», покажется странной, чуть ли не кощунственной. Но именно такова реальность духовной жизни, таков один из ее незыблемых законов, открытый великим опытом святых.

6. Правильная молитва.

Важнейшим условием духовной жизни является молитва. Но и она без соблюдения определенных требований может оказаться бесплодной и даже стать средством глубочайшего падения христианина. Так, не принимается молитва того, кто не прощает других. Не менее важное условие: «Кто молится устами, а о душе

небрежет и сердца не хранит, такой человек молится воздуху, а не Богу, и все трудится, потому что Бог внимает уму и усердию, а не многоречию» (II, 266).

Особое внимание в духовной жизни всегда уделяется молитве Иисусовой. О том, как правильно ее совершать (а не как-нибудь), пишет в своей замечательной статье «О молитве Иисусовой. Беседа старца с учеником» святитель Игнатий.

«В упражнении молитвой Иисусовой есть свое начало, своя постепенность, свой конец бесконечный. Необходимо начинать упражнение с начала, а не с середины и не с конца...

Начинают с середины те новоначальные, которые, прочитав наставление... данное отцами-безмолвниками... необдуманно принимают это наставление в руководство своей деятельности. Начинают с середины те, которые без всякого предварительного приготовления усиливаются взойти умом в сердечный храм и оттуда воссылать молитву. С конца начинают те, которые ищут немедленно раскрыть в себе благодатную сладость молитвы и прочие благодатные действия ее.

Должно начинать сначала, то есть совершать молитву *со вниманием и благоговением*, с целью *покаяния*, заботясь единственно о том, чтобы эти три качества постоянно соприисутствовали молитве... Особенное попечение, попечение самое тщательное должно быть принято о благоустроении нравственности сообразно учению Евангелия... Единственно на нравственности, приведенной в благоустройство евангельскими заповедями... может быть воздвигнут... невещественный храм богоугодной молитвы. Тщетен труд жидущего на песке: на нравственности легкой, колеблющейся» (I, 225–226).

Душою же молитвы Иисусовой является то состояние, которое хорошо видно из следующего случая. «Некоторый инок сказал преподобному Сисою Великому: «Я нахожусь в непрестанном памятовании Бога». Прп. Сисой отвечал ему: «Это не велико; велико будет то, когда ты сочтешь себя хуже всей твари».

В связи с этим следует отметить, что «признак непрестанности и самодейственности в совершении Иисусовой молитвы отнюдь не является признаком ее благодатности, потому что не гарантирует... тех плодов, которые всегда указывали на ее благодатность». «Духовная борьба, результатом и целью которой является приобретение СМИРЕНИЯ... подменяется у некоторых иной (промежуточной) целью: приобретением непрестанной и самодвижной Иисусовой молитвы, которая... не является конечной целью, а лишь одним из средств ее достижения»¹.

¹ Монах Меркурий. В горах Кавказа // «Паломник». 1996. С. 7–8.

7. Прелесть.

Необходимо указать и на опасность, грозящую неопытному подвижнику, не имеющему ни истинного наставника, ни правильных теоретических духовных знаний – на возможность впадения в так называемую *прелесть*. Этот святоотеческий термин замечателен тем, что точно вскрывает само существо названной духовной болезни: лесть себе, самообман, мечтательность, мнение о своем достоинстве и совершенстве, гордость. Об основных причинах впадения в прелесть прп. Григорий Синаит, например, пишет: «Прелесть, говорят, в двух видах является, или, лучше, находит... В виде мечтаний и воздействий, хотя в одной гордости имеет начало свое и причину... Первый образ прелести от мечтаний. Второй образ прелести... начало свое имеет... в сладострастии, рождающемся от естественного похотения».

Еще на одну очень распространенную причину прелести среди многих иноков, ревностных христиан и священнослужителей указывает святитель Игнатий: «Не без основания относят к состоянию самообольщения и прелести душевное настроение тех иноков, которые, отвергнув упражнение молитвою Иисусовою и вообще умное делание, удовлетворяются одним внешним молением... Они не могут избежать «мнения»... Устное и гласное моление тогда плодоносно, когда оно сопряжено со вниманием, что встречается очень редко, потому что вниманию научаемся преимущественно при упражнении молитвою Иисусовою» (I, 257–258).

О том, как избежать этой пагубы, святитель Игнатий пишет следующее в своей статье «О прелести»: «Прелесть есть состояние всех человеков, без исключения, произведенное падением пратцев наших. Все мы в прелести. Знание этого есть величайшее предохранение от прелести. Величайшая прелесть – признавать себя свободным от прелести. Все мы обмануты, все обольщены, все находимся в ложном состоянии, нуждаемся в освобождении истинною. Истина есть Господь наш Иисус Христос» (I, 230). «Как гордость есть вообще причина прелести, так смирение... служит верным предостережением и предохранением от прелести... Да будет наша молитва проникнута чувством покаяния, да соединится она с плачем, и прелесть никогда не воздействует на нас» (I, 228).

8. Духовный руководитель.

Оказаться в бедственном состоянии прелести может, к сожалению, любой верующий, каждый подвижающийся, если он живет лишь по своему разумению, без духовного наставника, без руководства святоотеческими писаниями.

Но если понимание отцов – уже задача не всегда простая, то многократно более трудным всегда являлось обретение истинно-

го наставника. Поэтому мысли и советы святых по данному вопросу особенно важны для нашего времени.

Во-первых, Отцы говорят (1) о необходимости большой осторожности в выборе духовника и предупреждают об огромной опасности, связанной с ошибкой принять бездуховного «старца» за духовного руководителя; учат (2) о правильном отношении к нему, (3) верном понимании послушания и (4) непременности разлучения с заблуждающимся, уводящим от жизни по Евангелию духовником; предупреждают, что в последние времена (5) не будет духоносных наставников, видящих души людей, и потому (6) призывают верующих изучать Священное Писание и творения святых отцов и руководствоваться ими с советом старшей имеющей большой духовный опыт «преуспевшей братии».

Приведем мысли святых отцов по этим темам.

(1) Преподобный Кассиан Римлянин (V в.) говорит: «Полезно открывать свои помыслы отцам, но не каким попало, а старцам духовным, имеющим рассуждение, старцам не по телесному возрасту и сединам. Многие, увлекшись наружным видом старости и высказав свои помышления, вместо врачевства получили вред от неопытности слышащих» (I, 491).

(1) Прп. *Иоанн Лествичник* (VI в.) писал: «Когда мы... желаем... верить спасение наше иному, то еще прежде вступления нашего на сей путь, если мы имеем сколько-нибудь проницательности и рассуждения, должны рассматривать, испытывать и, так сказать, искусить сего кормчего, чтобы не попасть нам вместо кормчего на простого гребца, вместо – врача на больного, вместо бесстрастного – на человека, обладаемого страстями, вместо пристани – в пучину и, таким образом, не найти готовой гибели» (Лествица. Сл. 4, гл. 6).

(1, 6) Преподобный *Симеон Новый Богослов* (X в.): «Молитвами и слезами умоли Бога послать тебе бесстрастного и святого руководителя. Также и сам исследуй Божественные Писания, особенно же практические сочинения святых отцов, чтобы, сравнивая с ними то, чему учит тебя учитель и предстоятель, ты смог видеть это как в зеркале и сопоставлять, и согласное с Божественными Писаниями принимать внутрь и удерживать в мысли, а ложное и чуждое выявлять и отбрасывать, чтобы не прельститься. Ибо знай, что много в эти дни стало прельстителей и лжеучителей».

(1, 2) «Святой Макарий Великий (IV–V в.) говорил, что... встречаются души, соделавшиеся причастниками Божественной благодати... вместе с тем по недостатку деятельной опытности пребывающие как бы в детстве, в состоянии очень неудовлетворительном... которое требуется истинным подвижничеством» (I, 284). «В монастырях употребляется о таких старцах изречение: «свят,

но не искусен», и наблюдается осторожность в советовании с ними... чтобы не вверяться поспешно и легкомысленно наставлениям таких старцев» (I, 285). Святой Исаак Сирин говорит даже, что такой старец «недостойн называться святым» (I, 286).

(1) Святитель Феофан (Говоров) пишет: «Так советовал и делал св. Нил Сорский. «Прежде духовные отцы всех наставляли; в нынешние же претрудные времена, еже многому плачу и рыданию достойно, до зела таким оскудевшим ревнителем, Сам Бог и Божественное учение преподобных отцов есть учитель и наставник». И св. Феофан заключает: «Так вот какой ныне лучший, благонадежнейший способ руководства или воспитания в жизни христианской! Жизнь в преданности в волю Божию, по Божественным и отеческим Писаниям с совета и вопрошения единомышленных»¹.

(1) «При определении их [духовников] должно употреблять великую осмотрительность и строгое рассуждение, чтобы вместо пользы не нанести вред, вместо созидания разорение»².

(2, 6) «Советуйся с добродетельными и разумными отцами и братьями; но усваивай себе советы их с крайней осторожностью и осмотрительностью. Не увлекайся советом по первоначальному действию его на тебя!.. Как о своих помыслах, так и о помыслах ближнего, о его советах советуйся с Евангелием. Тщеславие и самомнение любят учить и наставлять. Они не заботятся о достоинстве своего совета! Они не помышляют, что могут нанести ближнему неисцельную язву нелепым советом, который принимается неопытным новоначальным с безотчетливою доверенностью, с плотским и кровавым разгорячением!.. Им нужно произвести впечатление на новоначального и нравственно подчинить его себе! Им нужна похвала человеческая! Им нужно прослыть святыми, разумными, прозорливыми старцами, учителями!» (О жителстве по совету. – 5, 77).

(2) «Всякий духовный наставник должен приводить души к Нему (Христу), а не к себе... Наставник пусть, подобно великому и смиренному Крестителю, стоит в стороне, признает себя за ничто, радуется своему умалению пред учениками, которое служит признаком их духовного преуспевания... Охранитесь от пристрастия к наставникам. Многие не остереглись и впали вместе с наставниками в сеть диаволу... Пристрастие делает любимого человека кумиром: от приносимых этому кумиру жертв с гневом отвращается Бог... И теряется напрасно жизнь, погибают добрые дела. И ты, наставник, охранись от начинания греховного! Не

¹ Св. Феофан (Говоров). Что потребно покаявшемуся и вступившему на добрый путь спасения. МДА. «Новая книга», 1995. С. 72–73.

² Там же. С. 87.

замены для души, к тебе прибегшей, собою Бога. Последуй примеру святого Предтечи» (IV, 519).

(3) «Те старцы, которые принимают на себя роль... употребим это неприятное слово, принадлежащее языческому миру, чтобы точнее объяснить дело, которое в сущности не что иное, как душепагубное актерство и печальнейшая комедия – старцы, которые принимают на себя роль древних святых старцев, не имея их духовных дарований, да ведают, что самое их намерение, самые мысли и понятия их о великом иноческом делании – послушании, суть ложные, что самый их образ мыслей, их разум, их знание суть самообольщение и бесовская прелесть...» (V, 72)

(3) «Возразят: вера послушника может заменить недостаточество старца. Неправда: вера в истину спасает, вера в ложь и в бесовскую прелесть губит, по учению Апостола» (2 Сол. 2, 10–12) (V, 73).

(3, 6) «Скромное отношение советника к наставляемому – совсем иное, нежели старца к безусловному послушнику... Совет не включает в себе условия непременно исполнять его: он может быть исполнен и не исполнен» (V, 80).

(4) «Преподобный *Пимен Великий* (V в.) повелел немедленно разлучаться со старцем, совместное жительство с которым оказывается душевредным» (V, 74).

(5) Святой *Григорий Синаит* (XIV в.) «решился сказать, что в его время вовсе нет благодатных мужей, так сделались они редки... Тем более в наше время делателю молитвы необходимо наблюдать величайшую осторожность. Богодухновенных наставников нет у нас!» (I, 274).

(5, 6) «По учению отцов, жительство... единственно приличествующее нашему времени, есть жительство под руководством отеческих писаний с советом преуспевших современных братии; этот совет опять должно проверять по писанию отцов... Отцы, отдаленные от времен Христовых тысячелетием, повторяя совет предшественников, уже жалуются на редкость богодухновенных наставников, на появившееся множество лжеучителей и предлагают в руководство Священное Писание и отеческие писания. Отцы, близкие к нашему времени, называют богодухновенных руководителей достоянием древности и уже решительно завещают в руководство Священное и святое Писание, проверяемый по этим Писаниям, принимаемый с величайшей осмотрительностью и осторожностью совет современных... братии» (I, 563).

(6) «Преподобный *Нил Сорский* (XV в.) никогда не давал наставления или совета прямо из себя, но предлагал вопрошающим или учение Писания, или учение отцов. Когда же... он не находил в памяти освященного мнения о каком-либо предмете, то ос-

тавлял ответ или исполнение до того времени, как находил наставление в Писании. Этот метод очевиден из сочинений священномученика Петра Дамаскина, прп. Григория Синаита, святых Ксанфопулов и других отцов, особенно позднейших. Его держались упомянутые мною иеросхимонахи Оптиной пустыни Леонид и Макарий... Никогда не давали они советов из себя... Это давало советам их силу» (I, 489). Таков голос Священного Предания Церкви, говорящий по одному из болезненных вопросов современной духовной жизни.

9. Католицизм.

Особенно ярко обнаруживается действие прелести у католических аскетов, оторвавшихся от опыта духовной жизни Древней Церкви. Святитель Игнатий, например, писал: «Большая часть подвижников Западной Церкви, провозглашаемых ею за величайших святых – по отпадении ее от Восточной Церкви и по отступлении Святого Духа от нее – молились и достигали видений, разумеется, ложных, упомянутым мною способом... В таком состоянии находился Игнатий Лойола, учредитель иезуитского ордена. У него воображение было так разгорячено и изощрено, что как сам он утверждал, ему стоило только захотеть и употребить некое напряжение, как являлись перед его взорами, по его желанию, ад или рай... Известно, что истинным святым Божиим видения даруются единственно по благоволению Божию и действием Божиим, а не по воле человека и не по его собственному усилию, – даруются неожиданно, весьма редко... Усиленный подвиг находящихся в прелести обыкновенно стоит рядом с глубоким развратом. Разврат служит оценкою того пламени, которым разожжены прельщенные» (I, 244).

При этом Святитель указывает и на другие скрытые от внешнего взора причины прелестных состояний западных подвижников. Он пишет: «Кровь и нервы приводятся в движение многими страстями: и гневом, и сребролюбием, и сластолюбием, и тщеславием. Последние две чрезвычайно разгорячают кровь в подвижниках, незаконно подвизающихся, соделывают их иступленными фанатиками. Тщеславие стремится преждевременно к духовным состояниям, к которым человек еще не способен по нечистоте своей; за недостижением истины – сочиняет себе мечты. А сладострастие, присоединяя свое действие к действию тщеславия, производит в сердце обольстительные ложные утешения, наслаждения и упоения. Такое состояние есть состояние самообольщения. Все незаконно подвизающиеся находятся в этом состоянии. Оно развивается в них больше или меньше, смотря по тому, сколько они усиливают свои подвиги. Из этого состояния написано западны-

ми писателями множество книг» (IV, 499). Это особенно видно на примере таких великих католических святых, как, например, Катарина Сиенская, Тереза Авильская или блаженная Анжелла.

Святитель Игнатий (изучавший католическую аскетическую литературу не по переводам, а в латинских подлинниках) указывает и конкретные временные координаты отступления новых католических аскетов от единого опыта святых единой Вселенской Церкви. Он пишет: «Преподобный Венедикт († 544 г.), святой папа Григорий Двоеслов († 604) еще согласны с аскетическими наставниками Востока; но уже Бернард Клервосский (XII в.) отличается от них резкою чертою; позднейшие уклонились еще более. Они тотчас влекутся и влекут читателей своих к высотам, недоступным для новоначального, заносятся и заносят. Разгоряченная... мечтательность заменяет у них все духовное, о котором они не имеют ни малейшего понятия. Эта мечтательность признана ими благодатию» (IV, 498). Поэтому св. Игнатий напоминает: «Все святые признавали себя недостойными Бога: этим они явили свое достоинство, состоящее в смирении. Все самообольщенные считали себя достойными Бога: этим явили объявшую их души гордость и бесовскую прелесть. Иные из них приняли бесов, представших им в виде ангелов, и последовали им... Иные возбуждали свое воображение, разгорячали кровь, производили в себе движения нервные, принимали это за благодатное наслаждение и впали в самообольщение, совершенное омрачение, причислились по духу своему к духам отверженным» (II, 126).

10. Истина одна.

Прелесть, как видим, возникает у тех, которые живут не по святоотеческим началам, а по своим мыслям, желаниям и пониманию и ищут у Бога не спасения от греха, а благодатных наслаждений, откровений, даров. Их обычно и «получает» в изобилии горе-подвижник в своем разгоряченном воображении и действием темных сил. Прелесть поэтому – не один из возможных и равноценных вариантов духовности, не *особый* путь к Богу, но тяжелая болезнь, не поняв которой и не оценив должным образом, христианин, особенно подвигающийся, разлагается изнутри.

Особенно часты прорывы к «высотам» у юных подвижников, не познавших еще своего *ветхого* человека, не освободившихся от страстей и уже ищущих состояний человека *нового*, совершенного. Недаром у отцов есть выражение: «Если увидишь юношу, по своей воле восходящего на небо, удержи его за ногу и сбрось оттуда: ибо это ему не полезно»¹. Причина подобных

¹ Древний патерик. Гл. 10, 159.

ошибок все та же: незнание законов духовной жизни, незнание себя. Святой Исаак Сирий в связи с этим предупреждал: «Если некоторые из отцов написали о том, что есть чистота души, что есть здравие ее, что бесстрастие, что видение, то написали не с тем, чтобы мы искали их преждевременно и с ожиданием. Сказано в Писании: *Не придет Царствие Божие с соблюдением* (Лк. 17, 20). Те, в которых живет ожидание, стяжали гордыню и падение. Искание с ожиданием высоких Божиих даров отвергнуто Церковью Божией. Это – не признак любви к Богу; это – недуг души».

«Смирение, – сказал Варсонофий Великий, – делает человека селением Божиим» (I, 312). Оно предохраняет христианина от всех заблуждений, оно делает его и причастником Духа Святого.